

УДК 821.352.3.09

ББК 83.3(2=Ады)

Ш 78

Шовгенова Т.А.

Кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела литературы АРИГИ им. Т.Керашева, shovgenova1974@mail.ru

**Об эволюции историко-революционной прозы в творчестве
Хазрета Ашинова начала 60-х гг.
(Рецензирована)**

Аннотация:

Исследуются типологические особенности историко-революционной прозы начала 60-х гг. XX века на материале повести Х. Ашинова «И зимою гром гремит...». Анализируются своеобразие проблематики, сюжета, расстановки персонажей и особенности художественной формы произведения. Устанавливаются черты конфликта, вызванные, с одной стороны, традициями отечественной литературы, заложенными в 30 – 50-гг., с другой - культурно-исторической ситуацией 60-х гг. Определяются и формулируются особенности нового этапа формирования историко-революционной прозы – усиление художественной проблемности за счет введения лирического элемента и формирование жанра «малой повести» философско-нравственной проблематики. На основе сравнительно-типологического, концептуального и интертекстуального методов аргументируются выводы о том, что в творчестве Х. Ашинова нашли отражение особенности адыгейской национальной прозы 60 – 80-х гг., выразившие такую типологическую черту отечественной литературы, как усиление субъективно-повествовательной линии, наполнившее художественное произведение новым поэтическим содержанием. Научно-теоретическая значимость работы заключается в исследовании важнейшей проблемы эволюции стиля Х. Ашинова, а также в рассмотрении влияния на творчество писателя литературной традиции лирической прозы. Практическое значение статьи связано с возможностью ее применения при исследовании истории литературы, разработки вузовских учебников и учебных пособий.

Ключевые слова:

Историко-революционная тема, эстетическое своеобразие, классовая борьба, художественная идея, структурно-стилевые особенности, лирическая проза, литературная традиция.

Shovgenova T.A.

Candidate of Philology, Senior Researcher of the Department of Literature at the Adyghe Republican Research Institute of the Humanities named after T. Kerashev, e-mail: shovgenova1974@mail.ru

**The evolution of historical revolutionary prose in creativity of
Khazret Ashinov in the early 1960s**

Abstract:

The paper examines typological features of historic revolutionary prose of the early

1960s using the story of Kh. Ashinov “It thunders also in winter ...». The originality of problems, a plot, and arrangement of characters and features of an art form of the work are analyzed. The lines of the conflict are established. They are caused, on the one hand, by the traditions of national literature put in 1930s – 1950s and, on the other, by a cultural and historical situation of the 1960s. The author defines and formulates features of a new stage of formation of historic revolutionary prose: strengthening the art problematical character due to introduction of a lyrical element and formation of a genre of «the small story» of a philosophical moral problematical character. On the basis of comparative typological, conceptual and intertextual methods, conclusions are drawn that, features of the Adyghe national prose of the 1960s – 1980s found reflection in creativity of Kh Ashinov. They expressed such typological feature of national literature as strengthening the subjective narrative line which filled the work of art with new poetic contents. The scientific-theoretical importance of work lies in a research of the major problem of evolution of Kh. Ashinov’s style, as well as in consideration of influence of literary tradition of lyrical prose on the writer’s works. Practical value of this paper is connected with a possibility of its application in researches of history of literature and in the development of higher school textbooks and education manuals.

Keywords:

Historic revolutionary subject, esthetic originality, class fight, art idea, structural and style features, lyrical prose, literary tradition.

Наступление нового, третьего этапа отечественной литературы (вторая половина 50-х – 80-гг. XX века), который нередко определяется как «современный», обусловило активное продвижение жанров прозы и поэзии по пути усиления художественной проблемности. Отразилось это в эволюции историко-революционной прозы, тематика которой «по-настоящему была освоена в адыгейской прозе в 60-е годы» [1: 34]. В это время создаются значительные по содержанию и показательные в отношении художественной формы произведения («Мос Шовгенов» Д. Костанова, «Воз белого камня» А. Евтыха, «Девичьи зори» Ю. Тлюстена, «Тропы из ночи», «Гошевной» И. Машбаша и др.). В своих произведениях «писатели стремятся отразить события народной жизни недавнего прошлого, осмыслить и обобщить многотрудный опыт национальной истории в свете преемственности лучших прогрессивных традиций социальной и духовной жизни адыгейского народа, проследить непреходящие духовные ценности, которые необходимо удержать, сохранить и передать в целостности в бу-

дущее» [2: 237]. Тяготение литературы этого периода к психологизму, к разработке разностороннего характера сказалось на решении историко-революционной темы. Художественное осмысление революции через документально воссозданный событийный ряд уступило место развертыванию этих событий в их логическом единстве с емким и мотивированным характером. Изменился герой. Он как бы выделился из массы. Персонаж историко-революционных произведений стал более конкретным, психологически углубленным, а не просто носителем разнообразных классовых черт. Однако это вовсе не значит, что жанры историко-революционной прозы видоизменились тотчас же - «идейно-эстетическое освоение революционной реальности оказалось делом непростым» [3: 115].

Более высокий уровень образного осмысления темы становится характерным для повести Х. Ашинова «И зимою гром гремит...» («К1ымафэми шыблэр мао»), в которой автор пытается соединить «в одно целое бытовой и социальный планы» [4: 115]. В отношении худо-

жественном, к примеру, в показе эволюции мотивированного в психологическом плане человеческого характера далеко не все в это же время удается молодому автору. Но, как пишет Шибинская Е. П., повесть «интересна как этап в развитии повествовательного мастерства Х. Ашинова» [5: 159]. Нельзя ее потому упускать из поля зрения при исследовании развития историко-революционной прозы в национальной литературе. Связано это с тем, что в ней писатель «стремится к драматической организации сюжета» [5: 159].

Анализ произведения Х. Ашинова важен еще и потому, что оно отражает попытки обновления и художественного обогащения литературы в характерный для культурно-исторической реальности этап начала 60-х гг. Развернувшееся социально-критическое, художественно-аналитическое направление сразу не приобрело необходимого размаха. Более того, оно сдерживалось административно-командной системой, а временами и жестко пресекалось, что ограничило художественные поиски. Это также сказалось на повести «И зимою гром гремит...». Достоинства и недостатки произведения определяются, таким образом, не только особенностями творческой манеры писателя – кстати, это был «первый опыт» художника «в большом эпическом жанре» [5: 157], – но и сложностью складывающейся культурно-эстетической ситуации.

События, положенные в основу сюжетного действия повести, относятся ко времени гражданской войны в Адыгее. Картина социальной реальности оживляется тем, что рассказ автора представляет знакомые очертания адыгейского аула, с его национальными чертами, бытом, этнографическими деталями. Жизнь центрального персонажа представлена в непосредственных связях с событиями непростого времени революционной перестройки. Так реализуется принцип социального детерминизма, характерный для традиционного реализма. Главному пер-

сонажу Тимлогу вначале трудно разобратся в происходящем в родном селе. Поэтому он оказывается пассивным наблюдателем, неспособным вмешаться в жизнь, что определяется чувством уверенности в невозможности оказать влияние на сложившуюся ситуацию и изменить положение простого народа. Тимлог видит, что весь аул, все окружающие находятся в полном подчинении у кулака Дава. И такая ситуация представляется чуть ли не фатальной. Но проходит время, и под влиянием революционных перемен в стране меняется жизнь в ауле.

Образ героя развернут, таким образом, и является «классическим образцом, иллюстрирующим идею роста революционного сознания в простом человеке, представителе народной массы» [6: 166]. Так реализуется мотив вызревания нового в сознании маленького человека. Как комментирует автор, на судьбу адыгейского парня оказал влияние человек новой формации – Михаил Зорин. Именно с его помощью появляется у героя первое осознанное понимание решительных перемен. Воздействие среды на эволюцию человеческого характера реализовано и через показ образа его соседа, друга отца Моса Лахуко, также причастного к новым отношениям. Для того, чтобы дополнить картину окружающей среды, формирующей конфликт, автор вводит еще один образ – Суры, племянницы кулака Дава, которая пытается порвать с миром богатого дяди и связать свою жизнь с честным бедняком Тимлогом.

В центре внимания Х. Ашинова, как видно, оказывается обнаженная конфликтная ситуация, что приводит к противопоставлению дозированных социальных типов. На одной стороне кулак-собственник Дава Батоков, богач Трахов Мишауст и Лажрук Дзыбов, принадлежащий, как пишет автор, к «некогда очень сильному роду» урков-князей. На другой – безродный, но честный Тимлог, батрачивший на Дава, русский красноармеец Михаил Зорин, являющийся символом революцион-

ного большевизма, и Мурат Лахуко, совершающий «много добрых дел» для людей. Повесть, таким образом, испытывает влияние сложившейся в 30-40-е гг. прозы революционного перелома, для которой были характерны односторонность в показе человеческого характера, отсутствие настоящего драматизма в показе диалектики народного сознания в эпоху революционного перелома. Точность факта, правдивая деталь, к которым пытается обратиться Х. Ашинов в этом случае, продиктованы стремлением детерминировать характер и идти к социальной правде.

Показательно и то, что писатель не ограничивается традиционной формой психологического анализа. Он вводит в повествование лирическое начало и усиливает таким образом исследовательский элемент. От рассказа со стороны, от третьего лица автор идет к лирическому чувству, через которое пропускаются события и поступки персонажей. Индивидуальное чувство и личный опыт соизмеряются с большой правдой. Это усиливает художественную проблемность и меняет жанровые границы произведения. О том же свидетельствуют рассказы «Зуля борется» («Зулэ мэбанэ»), «Одна ночь из жизни» («Гъашэм цыщэу зы чэщ»). В этих произведениях, с одной стороны, прозвуча-

ли «мотивы прямой борьбы за новое» [5: 156] и в них в «показе новых людей недостает конкретизации обстоятельств» [7: 112]. Видно, таким образом, что это были первые робкие попытки Х. Ашинова в освоении новой формы лиро-эпического рассказа нравственно-философской проблематики. С другой, и в этих рассказах намечается тенденция к усилению художественности и психологизма.

Итак, обращаясь к историко-революционной теме и пытаясь осмыслить ее глубоко, в нравственно-философском аспекте, Х. Ашинов использует новый тип повествования. Рассказ идет как бы от третьего лица, но дистанция между автором и лирическим героем сокращается. Эпическая картина реальности с ее красками, образными деталями сливается с лирическим чувством, переживаниями главного героя. Художественное воссоздание правды эпохи заметно усиливается; конфликт, обостренный личностным восприятием, обостряется. Поэтическая картина в результате становится в художественном отношении правдивее. Связано это с тем, что прозаик акцентировал внимание не только на «привычные, но и новые для прозы варианты, социально-психологические модификации указанной проблемы» [6: 167].

Примечания:

1. Чамоков Т. Проблема героя на начальном этапе формирования социалистического реализма в адыгских литературах // Проблемы адыгейской литературы и фольклора. Майкоп, 1988. С. 25-42.
2. Схалыхо А.А. Идеино-художественное становление адыгейской литературы. Майкоп, 1988. 288 с.
3. Панеш У., Панеш С. Об особенностях общеадыгской художественно-публицистической прозы 20-30-х гг. и ее связи с русской литературой // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. Филология и искусствоведение. Майкоп, 2015. Вып. 4. С. 111-117.
4. Куваева Г.Ш. Новый человек в адыгейском рассказе // Проблемы адыгейской литературы и фольклора. Майкоп, 1981. Вып. 3. С. 109-120.
5. Шибинская Е.П. Хазрет Ашинов // Ученые записки. Т. 6. Майкоп, 1968. С. 152-171.
6. Панеш У. Типологические связи и формирование художественно-эстетического единства адыгских литератур. Майкоп, 1990. 277 с.

7. Куваева Г.Ш. Новый человек в адыгейском рассказе // Проблемы адыгейской литературы и фольклора. Майкоп, 1981. Вып. 3. С. 109-120.

References:

1. Chamokov T. Problem of a hero at the initial stage of formation of socialist realism in Adyghe literatures // Problems of Adyghe literature and folklore. Maikop, 1988, P. 25-42.
2. Skhalyakho A.A. The ideological and artistic formation of Adyghe literature. Maikop, 1988. 288 pp.
3. Panesh U., Panesh S. On features of Adyghe common literary and publicistic prose of the 1920-1930s and its relationship to the Russian literature // Bulletin of Adyghe State University. Ser. Philology and the Arts. Maikop, 2015. Iss. 4, P. 111-117.
4. Kuvaeva G.Sh. A new man in the Adyghe story // Problems of Adyghe literature and folklore. Maikop, 1981. Iss. 3, P. 109-120.
5. Shibinskaya E.P. Khazret Ashinov // Scientific notes. Vol. 6. Maikop, 1968. P. 152-171.
6. Panesh U. Typological relations and the formation of artistic and aesthetic unity of the Adyghe literature. Maikop, 1990. 277 pp.
7. Kuvaeva G.Sh. A new man in the Adyghe story // Problems of Adyghe literature and folklore. Maikop, 1981. Iss. 3, P. 109-120.